ОБРАЗЫ БОЖЕСТВЕННОЙ ОБЕЗЬЯНЫ В ИНДУИЗМЕ

Статья посвящена образам божественной обезьяны, отраженным в индуизме, главной религии Индии и Непала. Самый популярный среди них — Хануман. Портрет этого героя особенно выразительно запечатлен в эпосе «Рамаяна», где подчеркивается его преданность Раме. Для своих почитателей Хануман является идеальным воплощением «шакти и бхакти», силы и преданности. Культ божественной обезьяны иллюстрирует взаимопроникновение индуизма и местных верований в религиозной практике.

Ключевые слова: индуизм, божественные обезьяны, Хануман, бхакти, шакти.

В Индии, где водятся разные виды обезьян, эта природная особенность не могла не получить отражение в индуизме, главной религии страны. В ней сложился образ божественной обезьяны, который воплотился в нескольких персонажах. Наиболее известным и ярким из них является обезьяний царь Хануман, чрезвычайно популярное божество в современном индуизме, одно из немногих, кого почти в равной мере почитают шиваиты, вишнуиты и шактисты [Pattanaik 2004: 10]. Из Индии его культ, как и вообще культ обезьян, распространился практически на всю Юго-Восточную Азию и достиг Китая, где он широко известен как литературный персонаж под именем Сунь Укун. Образ этого замечательного трикстера запечатлен в романе китайского писателя и поэта У Чэн-эня (1500—1582) «Путешествие на Запад» [У Чэн-энь: 2008].

В народном индуизме за последнее столетие Хануман любим и популярен настолько, что имеются довольно веские основания уже не относить его к числу малых божеств, противопоставляемых божествам-лидерам, как было принято до сих пор, а пересмотреть и повысить его статус [Lutgendorf 2007: 10]. Изображения-мурти этой божественной обезьяны встречаются повсеместно, как и храмы и часовни, посвященные ему. Хотя Хануман теснее всего связан с Рамой, его скульптурные и живописные портреты имеются также и в шиваитских храмах, и в святилищах некоторых местных богинь. Но, конечно, чаще всего они присутствуют в храмах, посвященных Вишну и Раме как

одному из его воплощений. В разных регионах Индии для почитания Ханумана построено едва ли не больше храмов, чем в честь его героического хозяина Рамы. Божественную обезьяну принято почитать в этих храмах по вторникам и субботам или хотя бы поститься в эти дни [Ibid.: 11]. Помимо храмов встречаются и скромные святилища, в которых Хануману часто поклоняются в его неиконических образах, например в виде камня или земляного холмика.

Изображения Ханумана, известные по меньшей мере с периода средневековья, разнообразны. Это могут быть как небольшие рисунки над входной дверью, открытки, календа-

Рис. 1. Статуя Ханумана в Дели

ри или скромные олеографии на домашнем алтаре, так и большие уличные постеры или огромные статуи в храме или на городских улицах [Lutgendorf 2002: 75–80]. Некоторые из них поражают своими размерами, как, например, статуя в Дели высотой 33 метра, или 108 футов: 108 — число священное для индусов (рис. 1). Статуи Ханумана есть и за пределами Индии, одна из самых высоких находится в островном государстве Тринидад и Тобаго на Карибском море, часть населения которого составляют индусы. Наконец, нельзя не отметить, что «портреты» Ханумана встречаются на монетах целого ряда средневековых правящих династий, а основатели империи Виджаянагар Харихара I (1336–1356) и Буккха I (1356–1377) помещали изображение Ханумана на своем царском штандарте [Lutgendorf 1994: 233–234], видимо, следуя примеру эпического героя Арджуны, на знамени которого был изображен Хануман.

И в скульптуре, и в живописи иконография образов божественной обезьяны однообразна и довольно проста: у Ханумана голова обезьяны, мускулистое человеческое тело, две руки, поднятый хвост, обычно петлей закрученный над головой (рис. 2). Но он может являться и в других обличьях, которые способен легко менять по своему усмотрению. Чаще всего он показан как преданный бхакт со сложенными в молитвенном жесте руками, стоящий или коленопреклоненный перед Рамой или находящийся вместе с Рамой и Ситой, он держит дубинку в одной руке и гору в другой, иногда он разрывает руками свое сердце, в котором «поселились» Рама и Сита (рис. 3). Изображают Ханумана и в состоянии полета по небу. Иногда он показан как музыкант с виной в руках [Dewan 2004: 153]. Во всех случаях он холостяк, у него нет супруги или подруги, его почитают как строгого и последовательного брахмачарью, воздерживающего от всех чувственных удовольствий. Индусы верят, что изображения Ханумана способны магически защитить от

Рис. 2. Изображение Ханумана с традиционными атрибутами

Рис. 3. Хануман с Рамой и Ситой

злонамеренных сил и разнообразных бед и напастей и потому фигурки Ханумана используют как талисманы даже не индусы [Krishna 2010: 179–180].

Все изображения Ханумана условно разделяют на два основных типа: первый из них тяготеет к воплощению преданности и служит символом любви-бхакти, а второй являет героические формы и связывается с огромной силой-шакти. Он считается идеальным воплощением «шакти и бхакти», силы и преданности. При этом под силой-шакти подразумевается жизненная сила природы и богов, контролирующих ее, а под преданностью-бхакти — эмоциональный накал всепоглощающей любви и беззаветной преданности возлюбленному божеству. Хануман гармонично соединяет их в себе [Lutgendorf 1994: 240–241].

Облик божественной обезьяны невозможно не узнать или спутать с кемнибудь другим, но некоторые детали его изображения варьируются, отражая тот или иной символический или функциональный аспект божества. Хануман выделяется среди других индуистских божеств не только повсеместно растущей популярностью, но и благодаря своей териантропоморфной иконографии и, может быть, благодаря тому, что он принадлежит всей Индии, а не доминирует в каком-то одном регионе.

Многие индусы считают Ханумана своим *иштадевата*, т.е. личным божеством, которого в отличие от местных и семейно-родовых богов, определенных по рождению, выбирают сами. К нему обращают свои молитвы женщины, мечтающие о детях, студенты, идущие сдавать экзамены, спортсмены, готовящиеся к соревнованиям, больные, страдающие физическими или психическими расстройствами, и т.д. Его считают физически бессмертным и связывают с магическими травами и целительством. Многие индусы начинают свой трудовой день с чтения молитвы «Хануман чалиса», «Сорокастишия

Хануману», написанного Тулси Дасом [Lutgendorf 2007: 10–12]. Божественная обезьяна — герой сказок, народных песен, телепрограмм, мультфильмов и т.д. Не будет преувеличением сказать, что Хануман в современной Индии стал не менее популярным божеством, чем другое зооморфное божество, слоновоголовый Ганеша [Глушкова 1999: 283–290].

Чем же обусловлена растущая популярность Ханумана в индуизме, особенно народном? Едва ли на этот вопрос можно ответить однозначно. При повсеместной и универсальной популярности обезьяньего божества в разных местностях и в разных слоях общества его культ выглядит по-разному и отличается нюансами в мифолого-теологической интерпретации и иконографии его образа. Вряд ли вообще можно учесть все его региональные и социальные вариации. Если говорить в общих чертах, то привлекательность Ханумана не в последнюю очередь объясняется его доступностью и простотой почитания, которая не требует сложных ритуалов с участием жреца. Ханумана повсеместно почитают прежде всего как воплощение энергии, огромной физической силы, выносливости, верности, преданности, жертвенности.

Хануман известен под разными именами, которые связаны с его функциями или отражают особенности его териантропоморфного облика. В индуистской мифологии он считается сыном бога ветра Ваю и обезьяны Анджаны, поэтому одно из первых имен Ханумана — Анджанея, а другое — Маруми, сын ветра. Как сына ветра его почитают также под именами Паван-кумар и Ваю-путра [Lutgendorf 1994: 211]. Как и другим сыновьям ветра, ему свойственны быстрота, порывистость, ловкость, расторопность, живость. Он может летать по воздуху, менять форму и размеры, вырывать из земли холмы и горы и т.п. По легенде, Хануман вскоре после рождения схватил солнце, приняв его за нечто съедобное, и захотел проглотить его. Защищая солнце, Индра метнул в Ханумана свою ваджру и поразил его в челюсть. Так Хануман получил свое имя, которое обозначает «Имеющий (разбитую) челюсть».

В одно из имен божества превратился постоянный эпитет Ханумана — *Mahāvīra*, «Великий герой». Во многих хиндиязычных областях Индии царю обезьян поклоняются именно под этим именем [Ludvik 1994: 4]. Видимо, это произошло не без влияния авторитетной и любимой в народе поэмы на хинди «Рамачаритаманаса» («Море подвигов Рамы»), написанной Тулси Дасом в XVI в. [Тулси Дас 1948]. Махавиру посвящены многочисленные храмы, самый известный среди них — Махавир мандир в Патане. Его почитают и в храмах, посвященных Раме.

В МАЭ РАН хранится коллекция 2993, в которой в числе других популярных индийских аскетов представлены фигурки махабири, почитателей Ханумана в образе Махавиры — это экспонаты № 24 и 25. Насколько можно судить по этим экспонатам, почитатели Махавиры старались уподобиться Хануману даже внешне. Их одежда по покрою напоминает одеяние Ханумана в представлениях народного театра, а резко загнутые концы шапки призваны, скорее всего, изображать обезьяньи уши [Альбедиль, Васильков 2015: 36]. Аскеты махабири и сейчас встречаются в Индии и Непале (рис. 4).

Но больше всего Хануман славится как эпический персонаж. Он один из героев «Рамаяны», царь обезьян, мудрый советник предводителя племени

Рис. 4. Аскет махабири

ванаров Сугривы и преданный почитатель Рамы. Он воплощает в себе индуистский идеал верного слуги, наделенного храбростью и несокрушимостью. Как неизменный соратник Рамы он помогает ему вернуть похищенную демоном Раваной супругу героя Ситу. В ее поисках он одним прыжком перелетает на Ланку, по дороге убивает чудовищ Сурасу и Симхику и вступает в сражение с полчищами ракшасов. На его счету много воинских подвигов: он убил сына Раваны Акшу, спас от гибели Раму и Лакшману и т.п. После победы над ракшасами Рама наградил Ханумана даром вечной молодости. Во всей стране широко известны находчивость и мудрость Ханумана, а его чудесные подвиги давно стали излюбленными темами индийской культуры [Невелева 1996: 436].

Хануман встречается и в «Махабхарате», хотя там его роль не столь значительна, как в «Рамаяне». Согласно его небесной родословной, Хануман приходится братом одному из героев эпоса, Бхимасене, который также является сыном бога ветра Ваю и царицы Кунти. Во время пребывания пандавов в изгнании Бхима встречается с Хануманом в лесу, но не может даже поднять его хвост, которым тот преградил ему дорогу.

Стоит отметить, что в разных районах Индии образ эпического Ханумана иногда сливается с местными фольклорными традициями и меняется под их влиянием. В некоторых случаях божественная обезьяна предстает озорным, а порой даже вредным и глупым животным, обнаруживая свою ис-

тинную обезьянью природу и снижая свой высокий сакральный статус. Так, в одной из локальных версий Хануман во время пожара на Шри Ланке вдруг увидел, что у него загорелся хвост, и он не может потушить пламя. Сита советует ему взять хвост в рот, и Хануман именно так и поступает, но при этом его лицо обуглилось и почернело, а его спутники посмеялись над ним. Желая его утешить, Сита заявила, что отныне у всех обезьян будут черные лица [Lutgendorf 1994: 228–229].

Для почитателей Ханумана как идеального бхакта и помощника Рамы в индийском календаре выделяется несколько праздников. Среди них *Хануман-джаянти*, т.е. день рождения самого Ханумана, который празднуют во многих районах Северной Индии, хотя и неповсеместно, в 15-й день светлой половины *чайтра*. В некоторых штатах этот праздник отмечают в другое время. В этот день совершают храмовые службы, в храмах и домах читают выдержки из «Рамаяны», связанные с Хануманом, а также отрывки из произведения «Хануман чалиса», «Сорокастишия Хануману». Ханумана почитают и в другие праздники: *Рам-навами* «девятый день Рамы», т.е. девятый день светлой половины весеннего месяца *чайтра* (март — апрель), почитаемый как день рождения Рамы и *Дивали*, празднуемый несколько дней в середине месяца *карттика* (октябрь — ноябрь). Во многих районах Индии этот день считают днем возвращения победоносной армии Рамы из похода на Ланку [Котин, Успенская 2005: 30–36, 58–59].

Входя в вишнуитский круг божеств, Хануман в то же время иногда воспринимается как последователь или даже одно из воплощений Шивы или Рудры [Ататуа 1998: 26–27]. Это особенно явно прослеживается по пураническим текстам, которые содержат, как известно, много взаимоисключающих пассажей и вариаций на одну и ту же тему [Rocher 1992: 72]. Образ Ханумана задействован и в разных йогических школах. Он, например, занимает совершенно особое место в традиции натха-йогов, где его почитают как пример победы духовного начала над животным. В Сахаджа-йоге он воспринимается как символ динамизма и силы. Ханумана почитают последователи известного маратхского святого Рам Даса (1608–1681), который был предан не только Раме, но и Хануману, считал себя его воплощением и построил в его честь одиннадцать храмов [Lutgendorf 1994: 238].

Словом, образ Ханумана занимает весьма заметное место не только в индуистском пантеоне, но и в разных сферах религиозной жизни Индии [Lal 1995]. Между тем с его образом и культом связано еще немало нерешенных вопросов и проблем. Одна из них касается истоков культа Ханумана и путей его формирования в индуизме. Трудно сказать достоверно, с какого времени Хануман занял прочные позиции в индуистском пантеоне. Так же трудно, если вообще возможно, определить пути формирования и наиболее вероятные компоненты, мифологические, ритуальные, культовые, участвовавшие в формировании этой фигуры паназиатского масштаба. Очевидно, составляющих в этом сложном сплаве можно обнаружить немало, как общеиндийских, так и привнесенных, местных.

Насколько можно судить, Хануман отсутствует в списке ведийских богов и в ведийской ритуальной практике жертвоприношений, и обычно это

служит аргументом в пользу того, что он, вероятно, не был ведийским божеством, а принадлежал к аборигенным культам. Иногда его отдаленным генетическим предшественником считают ведийского Вришакапи, «обезьянусамца», внебрачного сына Индры, но это вряд ли возможно [Shah1968: 65]. Однако отсутствие Ханумана в ведийском пантеоне отнюдь не означает, что он не был известен в то время и не почитался как местное древнее божество, не попавшее в жреческую традицию и не получившее отражения в письменных памятниках.

Скорее всего, истоки его образа уходят в глубокую древность, потому что опыты териантропоморфизации, комбинирования человеческих и животных черт в одном персонаже были известны на территории Индостана еще со времен протоиндийской цивилизации. Кстати, обезьяна встречается уже на протоиндийских изображениях, например в сцене с туром. Обезьянка вполне натуралистического вида, с хвостом, поднятым вверх до плеч, стоит под головой тура и правой рукой касается его шеи [Кнорозов 1972: 187]. Разумеется, никаких обнадеживающих выводов на таком скудном материале сделать невозможно. Вероятнее всего, истоки Ханумана можно обнаружить в каком-нибудь племенном тотемическом животном, которое почитали как вневедийское и внебрахманическое божество в народной религии. Так, некоторые ученые сближают Ханумана с классом якш [Lutgendorf 1994: 221].

Однако, совершенно бесспорно, в эпический период Хануман уже занял весьма заметное место в пантеоне и укрепился на общеиндийском пространстве, хотя с ним связано всего лишь ограниченное количество эпизодов, которые повторяются снова и снова, отражая региональные и кастовые отличия в многослойных установлениях индуизма. Религиозный статус Ханумана еще более укрепился и развился в пуранический период, а примерно с IX в. началось его неуклонное возвышение и распространение его культа, что не могло не отразиться в текстовых и изобразительных источниках, подтверждающих заметно возросшую теологическую и ритуальную роль обезьяньего компаньона Рамы [Lutgendorf 1994: 234].

С эпосом связан один из самых интригующих образов Ханумана — Панчамукхи Хануман, «Пятиликий Хануман» (рис. 5). Его появление объясняется следующим образом. Когда во время войны Махиравана, владыка подземного мира, паталы, взял в плен Раму и его брата Лакшману и заточил их в своем дворце, Хануман отправился их освобождать. Для того чтобы уничтожить Махиравану, потребовалось разом задуть пять светильников. Тогда Хануман обрел пять ликов, он стал Панчамукхи Хануман: к своему собственному он добавил лики Варахи, Нарасимхи, Гаруды и Хаягривы (в некоторых вариантах — Калки), все они обращены в разные стороны света. Так он смог задуть лампы, убить Махиравану и освободить Раму и Лакшману. По мнению чешского ученого К. Звелебила, исследовавшего тамильскую версию сказания о Махираване, Хануман здесь служит идеальным выражением доблести и других высоких качеств средневековых южноиндийских воинов, которые защищали страну от мусульманских завоевателей [Zvelebil 1987: 175].

Изображения Панчамукхи Ханумана известны с XV в. и, по всей вероятности, свидетельствуют о возросшем значении божественной обезьяны

как воинственного защитника и тантрического наставника [Lutgendorf 1994: 233]. Эти изображения имеются в разных вариантах. Иногла он изображается стоящим на лемоницах Симхике и Сураше, его победа над ними описана в Рамаяне У него бывает разное количество рук, но чаше всего их десять. Обычно эта ипостась Ханумана больше тяготеет к тантрийскому индуизму [Nagar 1995: 215]. Этот образ божественной обезьяны также порождает вопросы. В частности, совершенно непонятно, какой реальный этнографический субстрат скрывается за композитным образом пятиликого Ханумана. Неясно также. почему в нем столь затейливо соединились две аватары Вишну — вепрь Вараха и человеколев Нарасимха с ездовым средством Вишну, птицей Гарудой, и Хаягривой, который считается не только воплошением Вишну, но и почитается как буддийский защитник учения дхармапала. Почему выбраны именно эти пять ликов,

Рис. 5. Пятиликий Хануман. Национальный музей Катманду

а не другие из весьма обширного вишнуитского набора? Что их объединяет, кроме принадлежности к вишнуисткому кругу? По всей вероятности, дело тут в традиционной для индуистского искусства тенденции к умножению голов и иных частей тела (рук, ног и т.п.) божества. Число пять здесь тоже не случайно: еще со времен ведийской ритуалистики оно служило для выражения полноты и совершенства [Lutgendorf 2007: 385]. Предварительно можно предположить, что в основу этого образа легло какое-то местное обезьянье божество, которое определенным образом видоизменялось по мере втягивания его в лоно индуизма, точнее вишнуизма.

Дополнительный свет на образ Ханумана и на его культ может пролить материал непальского индуизма. В Непале высоко чтут божественную обезьяну, ее изображения можно часто встретить не только в храмах, но и на улицах городов и селений. Здесь она также считается символом неисчерпаемой божественной силы и беззаветно преданного служения божеству [Dhurba 2003: 59–60]. Хануман тем более близок непальцам, что, по преданию, героиня «Рамаяны» Сита родилась на непальской земле, там, где сейчас находится город Джанакпур, считавшийся столицей царя Джанаки, отца Ситы. Многие непальцы, стараясь оградить свой дом от несчастий, помещают при входе изображение Ханумана, а по вечерам, после захода солнца, возносят ему молитву. Считается, что днем его беспокоить нельзя: у него и без того

 $M.\Phi$. Альбедиль

много дел. Непальцы верят, что Хануман обязательно выполнит все их желания [Шрестха 1993: 34] (рис. 6).

По одной из местных легенд. обезьяны стоят у истоков рода людского В непальском языке слова «обезьяна» и «человек» — однокоренные. Люди будто бы произошли от обезьян после того, как бог-творец Пхабачангреси помирил богиню леса Досим Дольма с обезьяной, которая ее дразнила, а потом поженил их. В непальском фольклоре обезьяны часто изображаются хитроумными существами, причем порой они имеют родственные связи с героями сказаний. Любопытно, что русская сказка «Царевна-лягушка» в непальском варианте оказывается «Царевнойобезьяной». Особое отношение к Хануману, как и вообще к обезьянам. поддерживается также верой в то, что высоко в горах живут йети, снежные люди, которых непальцы считают лесными знахарями [Шрестха

Рис. 6. Статуэтка пятиликого Ханумана

1993: 35]. Наконец, имя Ханумана запечатлено даже в местной топонимике. Так, река, на которой стоит Бхактапур, древний неварский город, называется Хануманте.

Примечательно, что Хануман в Непале оказался причастен к верховной королевской власти. У входа в старинный дворец непальского короля в центре Катманду, столицы Непала, стоит каменное изваяние Ханумана под зонтиком. Эта статуя датируется 1672 г. Разглядеть ее невозможно, потому что почитатели Ханумана, совершая жертвоприношения, столетиями покрывали ее оранжевой пастой, так что накопилось немало ее слоев. Считается, что Пратап Малла, правивший с 1641 по 1674 г., велел поставить здесь эту статую для того, чтобы Хануман защищал Катманду от злонамеренных сил и помогал непальской армии одерживать победу в каждом сражении [Amatya 1998: 33]. Интересно, что имя Ханумана запечатлено и в названии дворца — Хануман-дхока [Doig 1999: 20–21]. Точнее, это не дворец, а целый комплекс строений. Большая часть их была возведена при короле Пратапе Малла. Неварская династия Маллов, к которой принадлежал король Пратап, правила с 1200 по 1768 г. Время их правления называют золотой эрой в истории Непала. Тогда активно развивались искусство, градостроительство, культура. Короли этой династии считали себя воплощениями Вишну, точнее потомками Рамы, поэтому появление изображения Ханумана в королевском дворце вполне закономерно [Hutt 1994: 77] (рис. 7).

Рис. 7. Статуя Ханумана перед дворцом Хануман-дхока в Катманду

Здесь же, на королевской площади, находится храм, посвященный Панчамукхи Хануману, также возведенный при Пратапе Малле, в 1655 г. Вход в него неиндусам запрещен. Судя по описаниям, там каждый день совершаются тайные ритуалы почитания Ханумана, на которых могут присутствовать только жрецы культа [Атаtya 1998: 34].

Статуя Ханумана стоит и у входа в королевский дворец в Бхактапуре. Кстати, там же при Маллах в 1644—1673 гг. был построен Хануман Гат, где находится много изображений Ханумана. По преданию, именно здесь он отдыхал на пути в Гималаи.

В Непале обнаруживается редкий и малоизвестный лик Ханумана, Хану-Бхайрава. Статуэтки с его изображением хранятся в музее в Патане, втором после Катманду городе Непала. В них черты вишнуисткого обезьяньего бога с пятью головами и десятью руками сочетаются с признаками Бхайравы, тантрического аспекта Шивы. Этот сугубо местный вишнуитско-шиваитский образ, уже отнюдь не благостное божество, а грозное и устрашающее, известен с XVII или XVIII в. [Slusser 2013: 120–123]. Если верить эпиграфическим свидетельствам, Хану-Бхайрава был родовым божеством династии Маллов, их божественным покровителем. Хануман изображался на флаге этой королевской династии, его имя встречалось в королевских титулах и т.д. [Мізһга 2014]. Поскольку правящая династия выделила Ханумана, то это не могло не сказаться на его высоком статусе в религиозной сфере (рис. 8).

Святость и высокие добродетели Ханумана так глубоко проникли в повседневную жизни Индии и Непала, что благодаря ему все обезьяны в этих странах пользуются священной неприкосновенностью. Несмотря на то что эти звери обворовывают людей, совершают набеги на продуктовые лавки и даже на жилища, их никогда не убивают, а просто прогоняют. Индийцы и не-

Рис. 8. Статуэтка Хану-бхайравы в музее Патана

пальцы, особенно паломники, стараются подкармливать их, чтобы тем самым увеличить свои религиозные заслуги. Обезьян, умерших около человеческих жилищ, стараются похоронить со всеми приличествующими почестями, причем в сидячей позе, как это делают с саньясинами [Krishna 2014: 173–174].

Хануман — не единственная божественная обезьяна в индуизме. Другой, менее популярный образ — обезьяний царь Сугрива, «Имеющий красивую шею» — также является эпическим героем. Матерью Сугривы считается обезьяна Рукшараджа, которую Брахма создал, чтобы она уничтожала ракшасов. Прыгнув в воду, она превратилась в женщину и родила Сугриву от Сурьи, бога солнца, и потому он известен также под именем Равинандана, «Потомок солнца». Предводитель племени «лесных людей» ванаров, в эпосе он описывается как верный соратник Рамы в его борьбе с Раваной. Брата Сугривы Вали (Валин) Рукшараджа родила от бога-громовержца Индры. Братья были соперниками, но в их борьбе с помощью Рамы победил Сугрива [Древняя Индия 1995: 157–172].

Он похоронил брата и стал опекать его сына, могучего Ангаду — еще один обезьяний образ. Отважный Ангада, обладавший неодолимой мощью, прославился своей победой над могучим и свирепым ракшасом Ваджрадамштрой, приспешником Раваны. Равана приказал Ваджрадамштре убить Раму и Лакшману и истребить обезьянью рать, и тот выступил против братьев со своим войском. Он сеял смерть на своем пути и вселял страх в сердца обезьян. Но храбрый Ангада схватил ствол дерева ашвакарна, учинил великое побоище в рядах ракшасов, так что поле покрылось горами их трупов.

В страшном и кровавом поединке Ангада в конце концов отрубил Ваджрадамштре голову [Древняя Индия 1995: 258–261]. Он совершил немало и других славных подвигов.

Образ искусного зодчего воплотился в обезьяне по имени Нала, также действующем лице «Рамаяны». Сын Вишвакармана, божественного мастера и зодчего, он с помощью других обезьян построил мост через океан, по которому войско Рамы переправилось на Шри Ланку.

Таковы наиболее известные образы божественной и полубожественной обезьяны в индуизме. Можно предположить, что исходно они были древними аборигенными божествами, которые оказались втянутыми в лоно индуизма и переосмыслены в соответствии с базовыми установками этой религии. Культ Ханумана и других божественных обезьян иллюстрирует взаимопроникновение индуизма и местных верований в религиозной практике. Вследствие этого в формировании этих образов переплелись самые различные традиции, первоначально вневедийские и внебрахманические, границы между которыми порой невозможно обнаружить. Подпитываясь из разных традиций, Хануман шаг за шагом превратился в одного из ведущих индуистских богов.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что в отличие от западного мира, где обезьяна почти всегда выступает в качестве отрицательного персонажа басен и воспринимается как уродливая пародия на человека, олицетворяя многие его низкие качества, в Индии, как и вообще на Востоке, обезьяна, напротив, символизирует благородные качества и почитается как воплощение глубокой верности и беззаветной преданности и может послужить людям достойной моделью для подражания.

Библиография

Альбедиль М.Ф., Васильков Я.В. Виды индийских аскетов (по материалам коллекции 2993 в собрании МАЭ) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 11–50.

Глушкова И.П. Общеиндийский бог Ганеша // Древо индуизма. М.: Восточная литература, 1999. С. 283–312.

Древняя Индия: Три великих сказания / Лит. излож. и предисл. Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. Т. І. Сказание о Раме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. 352 с

Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto Indica: 1972. М: Наука, 1972. С. 178–246.

Котин И.Ю., Успенская Е.Н. Календарные обряды и обычаи хиндустанцев // Индийские праздники: общее и локальное в календарной обрядности / Отв. ред. И.Ю. Котин, С.А. Маретина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. С. 10–75.

Невелева С.Л. Хануман // Индуизм. Буддизм. Джайнизм. Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. 436 с.

У Чэн-энь. Путешествие на запад: В 4 т. М.: Эннеагон пресс, 2008.

Тулси Дас. Рамаяна, или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы / Пер. с инд. (хинди), коммент. и вступит. ст. А.П. Баранникова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 969 с.

Шрестка К.П. Культ животных в Непале: Жизнь народа и древние легенды. М.: ГОСНИТИ. 1993. 52 с.

Amatya G.M. Religious life in Nepal (part two). Katmandu: Amatya Publishers, 1998. 286 p.

Dewan P. The book of Hanuman. New Delhi: Penguin Books, 2004. 166 p.

Dhurba K.D. Popular Deities, Emblems & Images of Nepal. Delhi Nirala Publications, 2003. 176 p.

Doig D. In the Kindom of the Gods. An artist's impressions of the emerald valley. New Delhi: HarperCollins Publishers, 1999. 246 p.

Hutt M. Nepal: A Guide to the Art and Architecture of the Katmandu Valley. Gartmore: Kiscadale Publication, 1994. 240 p.

Pattanaik D. Hanuman: An Introduction. Mumbai: Vakils, Feffer and Simons, 2001. 134 p.

Krishna N. Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Books, 2014. 304 p.

Nagar Shanty Lal. Hanuman — In Art, Culture, Thought and Literature. New Delhi: Intellectual Publishing House, 1995. 417 p.

Ludvik C. Hanumān in the Rāmāyaṇa of Vālmīki and the Rāmacaritamānasa of Tulsī Dāsa. Delhi: Motilal Banarsidass, 1994. 157 p.

Lutgendorf P. My Hanuman is bigger than yours // History of Religions. 1994. Vol. 33. No. 3. P. 211–245.

Lutgendorf P. 'Evolving a monkey: Hanuman, poster art and postcolonial anxiety // Contributions to Indian Sociology. 2002. Vol. 36. No. 1–2. P. 71–112.

Lutgendorf P. Hanuman's Tale: The Messages of a Divine Monkey. New York: Oxford University Press. 2007. 448 p.

Mishra A. The Lost God of Kathmandu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecs.com.np/features/the-lost-god-of-kathmandu (дата обращения: 25.10.2016).

Rocher L. The Puranas. A History of Indian Literature. Vol. II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1986. 282 p.

Shah U.P. Vrsakapi in Rigveda // Journal of the Oriental Institute. 1968. Vol. 8. Pt. 1. P. 41–70

Slusser M. Patan Museum Guide. Patan: The Patan Museum, 2013. 224 p.

Zvelebil K. Two Tamil Folktales: The Story of King Matanakama and the Story of Peacock Rayana. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987. 224 p.